

Жорж
Сименон

МЕГРЭ И
УБИЙЦА

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон
Мегрэ и убийца

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 821.133.1
ББК 4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и убийца / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1969 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15438-4

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и убийца». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстаётся с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартирку на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1

ББК 4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15438-4

© Сименон Ж., 1969
© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жорж Сименон

Мегрэ и убийца

Georges Simenon
MAIGRET ET LE TUEUR

Copyright © 1969, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского И. Русецкого

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© И. Русецкий (наследник), перевод, 2017

* * *

Глава 1

Об этом вечере на бульваре Вольтер у Мегрэ остались тягостные воспоминания – пожалуй, впервые с тех пор, как они с женой стали ежемесячно обедать у Пардонов.

Все началось на бульваре Ришар-Ленуар. Жена заказала по телефону такси, потому что третий день подряд лил дождь: по радио говорили, что такого не случалось тридцать пять лет. Шквалы ледяной воды хлестали по лицу и рукам, облепляли тело намокшей одеждой. На лестницах, в лифтах, в конторах люди оставляли мокрые следы; настроение у всех было отвратительное.

Мегрэ с женой спустились вниз и полчаса, замерзая все сильнее, стояли на пороге в ожидании такси. Вдобавок пришлось уговаривать шофера, который не соглашался на такой короткий рейс.

– Извините, мы опоздали...

– В такие дни все опаздывают. Ничего, если мы сразу сядем за стол?

В квартире было тепло; ветер тряс ставни, и от этого становилось еще уютнее. Госпожа Пардон, как всегда удачно, приготовила говядину по-бургундски, и разговор вертелся вокруг этого сытного и в то же время изысканного блюда. Потом заговорили о том, как готовят в провинции: о рагу в горшочках, овощах по-лотарингски, рубце по-кански, буайбесе.

– В сущности, большинство этих рецептов появилось в силу необходимости. Если бы в Средние века были холодильники...

О чем еще они говорили? Обе женщины по обыкновению устроились в конце концов в уголке гостиной и беседовали вполголоса. Пардон повел Мегрэ в кабинет показывать редкое издание, подаренное одним из пациентов. Машинально они сели, и госпожа Пардон принесла им кофе и кальвадос.

Пардон уже давно чувствовал себя усталым. Лицо его осунулось, в глазах читалась иногда покорность судьбе. Он безропотно работал по пятнадцать часов в сутки: утром у себя в кабинете, днем со своим тяжелым саквояжем посещал больных, потом возвращался домой, где его всегда ждала полная приемная.

– Будь у меня сын и захоти он стать врачом, я, наверное, попытался бы его отговорить.

Мегрэ почувствовал себя неловко. У Пардона эта фраза прозвучала совершенно неожиданно: он страстно любил свою профессию, и представить себе, что он занимается чем-то другим, было просто невыносимо. На этот раз он был в плохом настроении, мрачен и даже объяснил почему.

– Все идет к тому, что из нас сделают чиновников, а медицину превратят в машину для более или менее равномерного распределения медицинского обслуживания.

Мегрэ, раскуривая трубку, наблюдал за ним.

– Не просто чиновников, – продолжал врач, – а плохих чиновников: мы уже не можем уделять каждому больному достаточно времени. Я порой стыжусь, выпроваживая их, почти выталкивая за двери. Я вижу их тревожный, даже умоляющий взгляд. Чувствую, что они ждут от меня другого: вопросов, слов – короче, минут, в течение которых я буду заниматься только ими. Ваше здоровье! – Он поднял стакан и скроил деланую улыбку, которая ему не шла. – Знаете, сколько пациентов я сегодня принял? Восемьдесят два. И это не исключение. А к тому же нас заставляют целыми вечерами заполнять всякие бланки. Простите, что я все это вам говорю. У вас на набережной Орфевр хватает своих забот.

О чем они говорили потом? О самых обычных вещах – на завтра о них не вспомнишь. Пардон сидел за письменным столом и курил сигарету. Мегрэ – в жестком кресле, предназначенном для больных. В кабинете царил своеобразный запах, хорошо знакомый комиссару по

предыдущим посещениям. Запах, чем-то напоминающий запах полицейских участков. Запах нищеты. Клиенты Пардона, жившие в том же квартале, – люди очень скромного достатка.

Дверь отворилась. Эжени, прислуга, жившая у Пардонов так давно, что стала почти членом семьи, объявила:

- Пришел этот итальянец...
- Какой итальянец? Пальяти?
- Да. Очень взволнован... Похоже, что-то срочное.

Была половина одиннадцатого. Пардон встал и открыл дверь в унылую приемную, где стоял столик с разбросанными журналами.

- Что с тобой, Джино?
- Не со мной, доктор. И не с женой. Там, на тротуаре, раненый... Умирает...
- Где?
- На улице Попинкур. Отсюда – метров сто.
- Его нашли вы?

Пардон уже стоял у дверей, натягивая пальто и ища глазами саквояж. Мегрэ, естественно, тоже надел плащ. Врач приоткрыл дверь в гостиную:

- Сейчас вернемся. На улице Попинкур раненый.
- Возьми зонтик.

Зонтика Мегрэ не взял. Как! Он с зонтиком в руке склонится над человеком, под стук дождя умирающим на тротуаре? Что за нелепость!

Джино был неаполитанец. Он держал бакалейную лавочку на углу улиц Шмен-Вер и Попинкур. Точнее, в лавке торговала его жена Лючия, а он в заднем помещении готовил лапшу, равиоли и пирожки. Чету Пальяти любили. Пардон лечил Джино от повышенного давления. Изготовитель лапши был коротконог, грузен, багроволиц.

– Мы возвращались от шурина, с улицы Шарон. Его жена ждет ребенка, ее вот-вот должны отвезти в родильный дом. Идем под дождем, и вдруг я вижу...

Половина слов терялась в вое ветра. Струи из водосточных труб превратились в бушующие потоки, через которые нужно было перепрыгивать, грязная вода из-под колес редких машин плескала на много метров.

На улице Попинкур их ждало неожиданное зрелище. Прохожих не было видно, лишь в нескольких окнах да в витрине маленького кафе еще горел свет. Примерно метрах в пятидесяти от кафе неподвижно стояла тучная женщина с зонтом, который ветер вырывал у нее из рук, а у ног ее в свете уличного фонаря виднелось расprostертое тело. В Мегрэ всколыхнулись воспоминания. Еще простым инспектором, задолго до того, как возглавить отдел сыскной полиции, он часто оказывался первым на месте, где только что произошла драка, сведение счетов, вооруженное нападение.

Человек был молод, одет в замшевую куртку, волосы на затылке довольно длинные. Он лежал ничком, куртка со спины пропиталась кровью.

- В полицию сообщили?
- Пусть пришлют «скорую», – вмешался Пардон, опустившийся на корточки рядом с раненым.

Это означало, что неизвестный еще жив, и Мегрэ направился в сторону освещенной витрины кафе. В ее слабом свете прочел название: «У Жюля». Толкнул застекленную дверь с кремовой занавеской и попал в атмосферу настолько безмятежную, что она казалась нереальной и напоминала жанровую картину. Перед ним был старомодный бар с опилками на полу; в воздухе сильно пахло спиртным. Четверо мужчин в летах, трое из которых отличались дородностью и красным цветом лица, играли в карты.

- Можно позвонить?

Клиенты, замерев, наблюдали, как он подошел к телефону, висевшему на стене возле оцинкованной стойки с рядами бутылок.

– Алло! Комиссариат Одиннадцатого округа?

Комиссариат в двух шагах отсюда – на площади Леона Блюма, бывшей Вольтера.

– Алло? Говорит Мегрэ. На улице Попинкур раненый... Около улицы Шмен-Вер... Нужна «скорая»...

Четверо мужчин оживились. Карты они по-прежнему держали в руках.

– В чем дело? – спросил мужчина без пиджака, по-видимому хозяин. – Кто ранен?

– Молодой человек.

Мегрэ положил на стойку мелочь и направился к двери.

– Высокий и тощий, в замшевой куртке?

– Да.

– С четверть часа назад он был здесь.

– Один?

– Да.

– Выглядел взволнованным?

Хозяин, по всей видимости этот самый Жюль, окинул остальных вопросительным взглядом:

– Нет... В общем, нет.

– Долго здесь пробыл?

– Минут двадцать.

Выйдя на улицу, Мегрэ увидел, что около раненого остановился велосипедист – двое полицейских в промокших накидках.

– Ничего не могу сделать, – поднялся с корточек Пардон. – Его несколько раз пырнули ножом. Сердце не задето. На первый взгляд, ни одна артерия не перерезана, иначе было бы больше крови.

– В сознание придет?

– Не знаю. Я боюсь его трогать. Когда он будет в больнице...

Две машины – полицейская и «скорая помощь» – прибыли почти одновременно. Картежники, боясь промокнуть, стояли на пороге кафе и издали наблюдали за происходящим. Подошел только хозяин, прикрыв голову и плечи мешком. Он сразу же узнал куртку.

– Это он...

– Он вам ничего не говорил?

– Нет, он только заказал коньяк.

Пардон инструктировал санитаров, которые вытаскивали носилки.

– А это что такое? – спросил один из полицейских, указывая на черный предмет, похожий на фотоаппарат.

Раненый носил его на ремешке через плечо. Это был не фотоаппарат, а кассетный магнитофон. Его мочил дождь, и, когда человека стали укладывать на носилки, Мегрэ воспользовался случаем и расстегнул ремешок.

– В больницу Сент-Антуан.

Пардон вместе с одним из санитаров залез в машину, другой сел за руль.

– Вы кто? – спросил он у Мегрэ.

– Полицейский.

– Садитесь тогда рядом со мной.

На улицах было пустынно; не прошло и пяти минут, как «скорая», за которой ехала полицейская машина, остановилась перед больницей Сент-Антуан. Здесь тоже Мегрэ вспомнил многое: белый плафон перед входом в приемный покой, длинный, плохо освещенный коридор,

где несколько посетителей покорно и молча сидели на скамейках, вздрагивая всякий раз, когда открывалась дверь и из нее выходил кто-нибудь в белом.

– Имя и адрес знаете? – осведомилась немолодая женщина, сидевшая в стеклянной кабинке с окошечком.

– Пока нет.

Из коридора вышел практикант-медик, вызванный звонком, и с сожалением погасил сигарету. Пардон представился.

– Вы ничего не делали?

Раненого уложили на каталку и повезли к лифту: Пардон, шедший следом, издали сделал Мегрэ неопределенный знак, как бы желая сказать: «Скоро вернусь».

– Вам что-нибудь известно, господин комиссар?

– Не больше, чем вам. Я обедал у приятеля-врача, который живет в этом квартале, когда к нему пришли и сказали, что на улице Попинкур лежит раненый.

Полицейский делал заметки в блокноте. В неуютном молчании прошло минут десять, потом в коридоре появился Пардон. Это был дурной знак. Лицо у доктора было озабоченное.

– Умер?

– Прежде чем успели раздеть. Кровоизлияние в плевральную полость. Я опасался этого, с тех пор как услышал его дыхание.

– Ножевые ранения?

– Да, несколько. Довольно тонким лезвием. Через несколько минут вам принесут содержимое его карманов. Его, вероятно, отвезут в Институт судебно-медицинский экспертизы?

Этот Париж был хорошо знаком Мегрэ. Комиссар прожил в нем много лет, но до конца так к нему и не привык. Что он тут делает? Ножевое ранение, несколько ножевых ранений – это его не касается. Такое случается каждую ночь, а утром сводится к нескольким строчкам в ежедневной сводке происшествий. Однако этим вечером он по воле случая оказался на первом плане и внезапно почувствовал, что происшедшее ему небезразлично. Итальянец, который готовил лапшу, не успел рассказать, что он видел. Они с женой возвращались домой. Жили они в комнатах над лавкой.

К их маленькой группе подошла сестра с корзиной в руке:

– Кто ведет следствие?

Полицейские в штатском посмотрели на Мегрэ, и сестра обратилась к нему:

– Вот все, что нашли у него в карманах. Вам следует написать расписку.

Небольшой бумажник, из тех, что суют в задний карман, шариковая ручка, трубка, кисет с очень светлым голландским табаком, мелочь и две магнитофонные кассеты. В бумажнике лежали удостоверение личности и водительские права на имя Антуана Батийля, 21 года, проживающего на набережной Анжу, в Париже. Это на острове Сен-Луи, недалеко от моста Святой Марии. В бумажнике был еще студенческий билет.

– Послушайте, Пардон, передайте моей жене, чтобы она возвращалась домой и ложилась спать.

– Вы поедете к нему?

– Естественно. Он, конечно, живет с родителями, и я должен поставить их в известность. – Мегрэ повернулся к полицейским: – Допросите Пальяти, итальянца-бакалейщика с улицы Попинкур, и четверых мужчин, игравших в карты в кафе «У Жюля», если они еще не ушли.

Как обычно, он сожалел, что не может все сделать сам. Ему хотелось бы очутиться сейчас на улице Попинкур, где плафон над входом в кафе виднеется словно в тумане, и картежники, наверное, вновь сели за игру. Хотелось бы расспросить итальянца, его жену, а может, и маленькую старушку, которую он мельком заметил в освещенном окне второго этажа. Стояла ли она

у окна, когда произошла драма? Но прежде всего нужно сообщить родителям. Он позвонил дежурному инспектору Одиннадцатого округа и известил его о происшедшем.

– Очень мучился? – спросил Мегрэ у Пардона.

– Не думаю. Он сразу потерял сознание. Там, на тротуаре, я не мог даже попытаться что-то сделать.

Бумажник был из крокодиловой кожи прекрасной выделки, шариковая ручка – серебряная, на платке вручную вышита метка «А».

– Не будете любезны вызвать мне такси, сестра?

Она выполнила просьбу, не выказав при этом ни тени любезности. Оно верно – мало хорошего проводить ночи напролет в таком мрачном месте, ожидая, когда случившиеся в квартале драмы выплеснутся у дверей больницы.

Такси, словно по волшебству, подъехало уже минуты через три.

– Я вас подброшу, Пардон.

– Долго не задерживайтесь.

– Знаете, я еду с таким известием...

Мегрэ хорошо знал остров Сен-Луи: когда-то они с женой жили на площади Вогезов и часто по вечерам гуляли под руку по острову.

У ворот, выкрашенных в зеленый цвет, он позвонил. Вдоль тротуара стояли машины, почти все – самых шикарных марок. В воротах открылась маленькая дверца.

– Господина Батийля, пожалуйста, – сказал Мегрэ в маленькое окошко.

– Третий этаж, налево, – кратко ответил заспанный женский голос.

Комиссар вошел в лифт; вода, стекавшая с его пальто и брюк, образовала лужу у ног. Дом, как большинство зданий на острове, был перестроен заново. Стены были из белого камня, повсюду резные бронзовые торшеры. На мраморной лестничной площадке лежал соломенный коврик с большой красной буквой «Б».

Мегрэ нажал кнопку и где-то очень далеко услышал звонок; прошло довольно много времени, прежде чем бесшумно отворилась дверь. На него с любопытством смотрела молоденькая горничная в кокетливом форменном платье.

– Мне нужно поговорить с господином Батийлем.

– С отцом или сыном?

– С отцом.

– Господа еще не вернулись и не знаю, когда вернутся. – Увидев полицейский жетон, она осведомилась: – В чем дело?

– Комиссар Мегрэ, полиция.

– И вы пришли к хозяину в такое время? Он вас ждет?

– Нет.

– Это настолько срочно?

– Это важно.

– Но уже почти полночь. Хозяин с женой в театре.

– В таком случае они должны скоро вернуться.

– Если потом не пойдут ужинать с друзьями. Так часто бывает.

– Господин Батийль-младший ушел вместе с ними?

– Он никогда не ходит вместе с ними.

Мегрэ почувствовал, что горничная в затруднении. Она не знала, что с ним делать, а он, видимо, выглядит довольно жалко: вода течет с него в три ручья. Он заметил просторный холл, выстланный голубовато-зеленым ковром.

– Раз это вправду так срочно... – решила она. – Давайте пальто и шляпу. – Потом с тревогой взглянула на его башмаки, но не осмелилась попросить его разуться. – Сюда, пожалуйста.

Повесив одежду в гардероб, она опять заколебалась, но так и не пригласила Мегрэ в большую гостиную, расположенную по левую руку.

– Не подождете ли здесь?

Он прекрасно ее понимал. Квартира была шикарная, по-женски изысканная. В гостиной белые кресла, на стенах Пикассо голубого периода, Ренуар и Мари Лорансен.

Молодая хорошенькая горничная явно недоумевала, оставить ей Мегрэ одного или наблюдать за ним: она не доверяла жетону, который он ей предъявил.

– Господин Батийль предприниматель?

– А вы его не знаете?

– Нет.

– Вы не знаете, что он владелец косметической фирмы «Милена»?

Что он знал о косметике? И что мог узнать о ней от госпожи Мегрэ, которая лишь иногда пользовалась пудрой?

– Сколько ему лет?

– Года сорок четыре, может, сорок пять. Он так молодо выглядит...

Она покраснела – наверное, чуть-чуть влюблена в хозяина.

– А его жена?

– Наклонитесь немного и увидите ее портрет над камином.

Голубое вечернее платье. Голубое и розовое, видимо, цвета этого дома, как и полотен Мари Лорансен.

– Кажется, лифт...

У горничной невольно вырвался вздох облегчения.

Она подбежала к двери и вполголоса заговорила с хозяевами. Молодая, элегантная и на вид беззаботная пара, вернувшаяся из театра домой, они издали бросали взгляды на незнакомца в намокших брюках и ботинках, который, пытаясь скрыть смущение, неловко поднялся со стула. Мужчина скинул серый плащ, под которым был смокинг; у его жены под леопардовым мантио было вечернее серебристое платье. От Мегрэ их отделяло метров десять. Батийль быстро и энергично подошел первым, жена – за ним.

– Мне сказали, вы комиссар Мегрэ? – негромко осведомился он, нахмутив брови.

– Верно.

– Если не ошибаюсь, вы возглавляете отдел сыскной полиции?

Последовала короткая неловкая пауза, во время которой госпожа Батийль пыталась догадаться, в чем дело; она уже не была в том беззаботном настроении, как несколько мгновений назад, когда перешагнула порог.

– Странно! В такое время... Вы случайно не по поводу моего сына?

– Вы ждете неприятных известий?

– Вовсе нет. Но давайте не здесь. Пройдем в кабинет.

Кабинет был последним в ряду комнат, выходявших в гостиную. Впрочем, настоящий кабинет Батийля находился, видимо, в другом месте – в здании фирмы «Милена», мимо которого Мегрэ часто проезжал по авеню Матиньон. Стены кабинета были заставлены книжными шкафами из очень светлого дерева – лимонного или кленового. Светло-бежевые кожаные кресла, такой же бювар на письменном столе. Рядом – фото в серебряной рамке: госпожа Батийль и две детские головки – мальчик и девочка.

– Садитесь. Давно меня ждете?

– Всего минут десять.

– Не хотите ли выпить?

– Нет, благодарю.

Казалось, теперь уже мужчина оттягивает момент, когда ему придется выслушать комиссара.

– Вам не приходилось тревожиться за сына?

Батийль на секунду задумался.

– Нет. Он спокойный, сдержанный парень, может быть, даже слишком.

– Что вы думаете о его знакомствах?

– Практически он ни с кем не общается. В отличие от сестры, которой только восемнадцать: вот она легко завязывает знакомства. У него нет ни друзей, ни приятелей. С ним что-то стряслось?

– Да.

– Несчастный случай?

– Если это можно так назвать. Сегодня вечером на темной улице Попинкур на него напали.

– Он ранен?

– Да.

– Тяжело?

– Он мертв.

Мегрэ предпочел бы их не видеть, не присутствовать при этом жестоком ударе. Светская пара, полная уверенности и непринужденности, исчезла. Их одежда вдруг перестала быть творением знаменитых модельеров. Даже квартира потеряла свою элегантность и обаяние. Перед комиссаром сидели мужчина и женщина, раздавленные и все еще отказывающиеся поверить в подлинность того, что им сообщили.

– Вы уверены, что это мой...

– Антуан Батийль, не так ли? – спросил Мегрэ и протянул еще влажный бумажник.

– Да, бумажник его. – Мужчина машинально закурил. Руки у него дрожали. Губы тоже. – Как это произошло?

– Он вышел из маленького бара для завсегдатаев. Прошел под ливнем метров пятьдесят, и тут кто-то сзади нанес ему несколько ударов ножом.

Лицо женщины исказилось, словно ее ударили. Муж обнял ее за плечи, хотел что-то сказать, но не смог. Да и что говорить?

– Задержать удалось?... – спросил он, лишь бы не молчать.

– Нет.

– Умер сразу?

– Как только привезли в больницу Сент-Антуан.

– Мы можем его увидеть?

– Советую ехать туда не сейчас, а дожидаться завтрашнего утра.

– Мучился?

– Врач говорит, нет.

– Пойди ляг, Мартина. Или хотя бы подожди в спальне. – Осторожно, но твердо он вывел ее из комнаты. – Я сейчас вернусь, комиссар.

Батийль отсутствовал с четверть часа; когда он вернулся, лицо его было бледное, изможденное, взгляд – отсутствующий.

– Садитесь, прошу вас.

Он выглядел маленьким, худощавым. Казалось, Мегрэ угнетает его своим ростом и плотностью.

– Так и не хотите выпить? – Открыв небольшой бар, Батийль достал бутылку и два стакана. – Не стану скрывать: мне это сейчас необходимо. – Он приготовил себе виски и, наливая во второй стакан, спросил: – Вам содовой побольше? – после чего сразу продолжил: – Не понимаю. Не могу понять. Антуан ничего от меня не скрывал, да ему и нечего было скрывать.

Он был... Больно говорить о нем в прошедшем времени, но придется привыкать. Он был студентом, изучал в Сорбонне литературу. Не входил ни в какие группировки, совершенно не интересовался политикой.

Опустив руки, он устался на светло-коричневый ковер и проговорил, словно рассуждая вслух:

– Убили... Но за что? За что?

– Чтобы попробовать выяснить это, я и пришел.

Батийль посмотрел на Мегрэ так, словно впервые его заметил.

– А почему вы лично занимаетесь этим? Ведь для полиции это рядовое происшествие, верно?

– По воле случая я оказался почти рядом.

– Вы ничего не видели?

– Нет.

– И никто ничего не видел?

– Никто, кроме итальянца-бакалейщика, который возвращался с женою домой. Я принес вещи, обнаруженные в карманах вашего сына, но забыл магнитофон.

Отец, казалось, сначала не понял, потом выдавил:

– А... Ладно. – И чуть не улыбнулся: – Это была его страсть. Вам, конечно, будет смешно... Мы с его сестрой тоже над ним подшучивали. Некоторые бредят фотографией и охотятся за интересными лицами даже под мостами. А Антуан собирал голоса людей. Частенько убивал на это целые вечера. Заходил в кафе, на вокзалы – в любые места, где много людей, и включал магнитофон. Он носил его на животе, и многие принимали его за фотоаппарат. А в руке прятал миниатюрный микрофон.

Наконец-то у Мегрэ появилась хоть какая-то зацепка.

– У него никогда не было неприятностей из-за этого?

– Только однажды. Это случилось в баре неподалеку от площади Терн. Двое мужчин стояли у стойки, а Антуан, облокотившись рядом, незаметно записывал. «Ну-ка, мальчик, – сказал вдруг один из мужчин, отобрал магнитофон, вынул кассету и пригрозил: – Не знаю, что это за игра, но если мы еще как-нибудь встретимся, постарайся быть без этой машинки». Думаете, что?... – отпив глоток, спросил Жерар Батийль.

– Все может быть. Нельзя пренебрегать никакой версией. Он часто ходил на охоту за голосами?

– Два-три раза в неделю, всегда вечером.

– Один?

– Я же говорил, друзей у него не было. Он называл эти записи человеческими документами.

– И много их у него?

– Может, сотня, может, больше. Время от времени он их прослушивал, менее интересные стирал. Как вы считаете, в котором часу завтра...

– Я предупрежу в больнице. Во всяком случае, не раньше восьми утра.

– Мне можно будет привезти тело сюда?

– Не сразу.

Отец понял, и лицо его посерело еще больше: он подумал о вскрытии.

– Извините, господин комиссар, но я...

Он едва держался. Ему нужно было остаться одному, может быть, пойти к жене, может быть, поплакать или посидеть в тишине, выкрикивая бессвязные слова.

– Не знаю, в котором часу вернется Мину, – произнес он, словно обращаясь к самому себе.

– Кто это?

– Его сестра. Ей всего восемнадцать, но живет она на свой лад. Вы, наверное, пришли в пальто?

Когда Мегрэ зашел в гардероб, появилась горничная, помогла ему натянуть промокшее пальто и подала шляпу. Он спустился по лестнице, прошел через маленькую дверь, очутился на улице и немного постоял, глядя на дождь. Ветер ослабел, шквалы дождя были уже не так свирепы. Попросить разрешения вызвать такси по телефону Батийлей он не осмелился. Втянув голову в плечи, он перешел через мост Святой Марии, свернул в узкую улочку Сен-Поль и у метро увидел наконец стоянку такси.

– Бульвар Ришар-Ленуар.

– Понято, шеф.

Водитель был из тех, кто его знал: потому он и не возражал против короткого рейса. Выходя из машины, Мегрэ поднял голову и увидел свет в окнах своей квартиры. Когда он одолел последний лестничный пролет, дверь открылась.

– Не простудился?

– Кажется, нет.

– Я вскипятила воду для грога. Садись. Я помогу тебе разуться.

Носки промокли насквозь. Жена пошла за его домашними туфлями.

– Пардон рассказал нам, в чем дело. Интересно, как отреагировали родители? Почему поехал к ним ты?

– Не знаю.

Он занялся этим делом непроизвольно – потому что оказался в гуще событий, потому что оно напомнило ему годы, проведенные на улицах ночного Парижа.

– Сперва они даже не поняли. А вот сейчас наверняка сломались.

– Они молоды?

– Ему за сорок пять, но, по-моему, меньше пятидесяти. Жене нет и сорока, очень хорошенькая. Ты знаешь духи «Милена»?

– Конечно. Их все знают.

– Так вот, это их фирма.

– Они очень богаты. У них замок в Солони, яхта в Канне, они дают роскошные приемы.

– Откуда тебе-то известно?

– Не забывай: мне приходится часами дожидаться тебя, и я читаю иногда газетные сплетни.

Она плеснула в стакан рома, добавила сахарной пудры, положила ложечку, чтобы стакан не треснул, и налила кипятку.

– Ломтик лимона?

– Не надо.

Вокруг было тесно, но уютно. Мегрэ огляделся, словно возвратился из долгого путешествия.

– О чем ты думаешь?

– Как ты сказала, они очень богаты. Квартира роскошная – я таких и не видел. Они вернулись из театра, были оживлены. Увидели, что я сижу в холле. Горничная тихонько сказала им, кто я.

– Раздевайся.

Все же дома лучше всего. Мегрэ надел пижаму, почистил зубы и четверть часа спустя, немного возбужденный грогом, лежал рядом с госпожой Мегрэ.

– Спокойной ночи, – сказала она, приблизив к нему лицо.

Он поцеловал ее, как делал это вот уже столько лет, и прошептал:

– Спокойной ночи.

– Как обычно?

Это означало: «Я разбужу тебя, как обычно, в половине восьмого и принесу кофе».

Он неразборчиво пробормотал «да», уже проваливаясь в сон. Ему ничего не снилось. А если и снилось, то снов он не запоминал. И сразу же наступило утро. Пока он сидел в постели с чашкой кофе, жена отдернула шторы, и он попытался проникнуть взглядом сквозь тюлевую занавеску.

– Дождь все еще льет?

– Нет, но, судя по тому, что люди идут, засунув руки в карманы, весна еще не наступила – что бы там ни говорил календарь.

Было 19 марта. Среда. Еле успев влезть в халат, Мегрэ принялся звонить в больницу Сент-Антуан; ему пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы связаться с больничным начальством.

– Да... Мне хотелось бы, чтобы его поместили в отдельную палату... Прекрасно знаю, что он умер. Но это не основание заставлять родителей ходить по подвалам. Через час-другой они приедут. После их посещения тело увезут в Институт судебно-медицинской экспертизы... Да. Можете не бояться: родители заплатят... Ну конечно... Они заполнят все, что вам нужно.

Он уселся напротив жены, съел два рогалика и выпил еще чашку кофе, рассеянно глядя на улицу. Низкие тучи по-прежнему бежали по небу, но у них уже не было того противоестественного оттенка, что накануне. Все еще сильный ветер раскачивал ветви деревьев.

– У тебя уже есть какие-нибудь соображения насчет...

– Ты же знаешь: у меня никогда не бывает соображений.

– Я знаю также, что, если они и бывают, ты все равно о них не рассказываешь. Ты не находишь, что Пардон плохо выглядит?

– Тебя это тоже удивило? Он не только устал, но и пал духом. Вчера наговорил о своей профессии такого, чего раньше я от него никогда не слышал.

В девять Мегрэ из своего кабинета соединился с комиссариатом Одиннадцатого округа.

– Говорит Мегрэ. Это вы, Лувель? – узнал он по голосу.

– Вы, видимо, насчет магнитофона?

– Да. Он у вас?

– Демари подобрал его и принес сюда. Я боялся, что дождь повредил аппарат, но он работает. Непонятно, зачем мальчишка записывал все эти разговоры.

– Можете прислать его мне сегодня утром?

– Вместе с донесением, которое допечатают через несколько минут.

Почта. Циркуляры. Вчера вечером он не сказал Пардону, что тоже завален лавиной административных бумаг.

Потом он отправился в кабинет начальника на доклад. В нескольких словах рассказал о том, что произошло накануне, поскольку Жерар Батийль был человек известный и дело могло вызвать много шума. Действительно, возвращаясь к себе в кабинет, комиссар наткнулся на группу журналистов и фотографов.

– Вы в самом деле почти присутствовали при убийстве?

– Просто я достаточно быстро прибыл на место преступления, потому что находился неподалеку.

– Этот парень, Антуан Батийль, в самом деле сын фабриканта косметики?

Откуда прессе все известно? Неужели слухи просочились из комиссариата?

– Привратница утверждает...

– Какая привратница?

– С набережной Анжу.

Мегрэ ее даже не видел. Не назвал ей ни имени, ни должности. Проболталась горничная.

– Родителям сообщили вы?

– Да.

- Как они реагировали?
- Как люди, узнавшие, что их сына только что убили.
- Они кого-нибудь подозревают?
- Нет.
- Не думаете ли вы, что это дело может оказаться политическим?
- Наверняка нет.
- Тогда любовная история?
- Не думаю.
- У него ведь ничего не взяли, правда?
- Нет.
- Ну так что же?
- Ничего, господа. Расследование только началось; когда будут результаты, я вам сообщу.
- Вы видели дочку?
- Какую дочку?
- Мину, дочку Батийля. Ее, кажется, хорошо знают в определенных кругах.
- Нет, я ее не видел.
- Она водится со всякими шалопаями...
- Спасибо, что сказали, но речь идет не о ней.
- Как знать, не правда ли?

Раздвинув журналистов, комиссар толкнул дверь в кабинет и закрыл ее за собой. Постоял у окна, набил трубку и открыл дверь в инспекторскую. Собрались еще не все. Одни звонили, другие печатали донесения.

- Занят, Жанвье?
- Допечатаю еще две строчки, и все, шеф.
- Потом зайди ко мне.

В ожидании Жанвье Мегрэ позвонил судебно-медицинскому эксперту, сменившему его старого друга доктора Поля.

– Вам привезут его днем. Это срочно, да, и не столько потому, что я жду результатов вскрытия, сколько из-за нетерпения его родителей. По возможности не очень его уродуйте. Да... Вот именно... Вы все правильно понимаете. Перед гробом пройдет почти целый справочник «Весь Париж». У меня в коридоре уже толкнутся журналисты.

Прежде всего нужно съездить на улицу Попинкур. Накануне Джино Пальяти успел рассказать немного, а его жене и рта не удалось раскрыть. Потом есть некий Жюль и трое других картежников. Кроме того, Мегрэ вспомнил старушку, силуэт которой заметил в окне.

- В чем дело, шеф? – спросил Жанвье, входя в кабинет.
 - Есть во дворе свободная машина?
 - Надеюсь.
 - Отвезешь меня на улицу Попинкур. Это недалеко от улицы Шмен-Вер. Я покажу.
- Жена была права – Мегрэ заметил это, ожидая во дворе машину: холодно, как в декабре.

Глава 2

Мегрэ понимал: Жанвье несколько удивлен, что комиссар придает этому делу такое значение. Каждую ночь в Париже регистрировались случаи поножовщины, в основном в густонаселенных кварталах, и при обычных обстоятельствах газеты посвятили бы трагедии на улице Попинкур лишь несколько строк в рубрике «Происшествия».

«Вооруженное нападение. Вчера около половины одиннадцатого вечера, проходя по улице Попинкур, Антуан Б., студент, 21 года, получил несколько ножевых ранений. Похоже, речь идет о попытке ограбления; следовавшая мимо чета торговцев, проживающих в этом квартале, помешала грабителю. Антуан Б. скончался вскоре после того, как его привезли в больницу Сент-Антуан».

Только вот фамилия Антуана Б. была Батийль, и жил он на набережной Анжу. Отец его был известной личностью, упоминался во «Всем Париже», а духи «Милена» знали практически все.

Маленькая черная машина сыскной полиции пересекла площадь Республики, и Мегрэ очутился у себя в квартале – лабиринте узких густонаселенных улочек между бульварами Вольтер с одной стороны и Ришар-Ленуар – с другой. Они с госпожой Мегрэ шагали по этим улочкам всякий раз, когда отправлялись обедать к Пардонам, а на улицу Шмен-Вер госпожа Мегрэ часто ходила за покупками. Именно у Джино, как они запросто его называли, она покупала не только пироги, но и болонскую колбасу, миланский окорок и оливковое масло в больших золотистых жестяных банках. Лавки в квартале были тесные, узкие, полутемные. В этот день над городом нависли тучи, и везде горело электричество; в его свете лица казались восковыми.

Множество старух. Множество немолодых одиноких мужчин с корзинами для провизии в руках. В выражении лиц покорность судьбе. Кое-кто иногда останавливается и подносит руку к сердцу, ожидая, когда пройдет спазм. Женщины всех национальностей: на руках младенец, за платье держится мальчик или девочка.

– Останови здесь и пойдем.

Они начали с Пальяти. Лючия обслуживала троих покупателей.

– Муж в задней комнате. Вон в ту дверь.

Джино готовил равиоли на длинной мраморной доске, посыпанной мукой.

– А, комиссар! Я так и думал, что вы зайдете. – Голос у него звонкий, на лице – непринужденная улыбка. – Это правда, что бедняга умер?

В газетах об этом еще ничего не было.

– Кто вам сказал?

– Один журналист, что был здесь минут десять назад. Он меня сфотографировал; в газете поместят мой портрет.

– Повторите, пожалуйста, все, что говорили вчера вечером, только более подробно. Вы возвращались от шурина...

– Да, они ждут ребенка. Это на улице Шарон. У нас на двоих был один зонтик – все равно, когда мы идем по улице, Лючия всегда берет меня под руку. Вы помните, какой был дождь? Прямо буря. Несколько раз мне казалось, что зонтик вот-вот вырвется из рук, и я держал его перед собой, как щит. Потому я и не заметил его раньше.

– Кого?

– Убийцу. Он, видимо, шел несколько впереди нас, но у меня была одна забота: дождь и лужи... А может, он прятался в каком-нибудь подъезде...

– И вы его заметили...

– Уже дальше, за кафе; там еще горел свет.

– Разглядели, как он был одет?

– Вчера вечером мы говорили об этом с женой. Нам обоим показалось, что на нем был светлый непромокаемый плащ с поясом. Он шел легкой походкой, очень быстро.

– Преследовал молодого человека в куртке?

– Нет, шел быстрее, словно хотел нагнать или обогнать его.

– На каком расстоянии от них вы находились?

– Может, метрах в ста... Я могу показать.

– Тот, что шел первым, не оборачивался?

– Нет. Другой его догнал. Я увидел, как он поднял руку и опустил... Ножа я не заметил... Он ударил несколько раз, и парень в куртке упал ничком на тротуар. Убийца зашагал по направлению к улице Шмен-Вер, но потом вернулся. Он, наверное, нас видел – мы были уже метрах в шестидесяти. Но все же наклонился и нанес еще несколько ударов.

– Вы не погнались за ним?

– Знаете, я довольно полный, к тому же у меня эмфизема. Мне трудно бегать, – смутился и покраснел Джино. – Мы пошли быстрее, а он тем временем завернул за угол.

– Шума отъезжающей машины не слышали?

– Пожалуй, нет... Не обратил внимания.

Жанвье машинально, без всяких указаний Мегрэ, стенографировал.

– Вы подошли к раненому и...

– Вы видели то же, что и я. Куртка в нескольких местах была разорвана, на ней выступила кровь. Я тут же вспомнил о докторе и бросился к господину Пардону, а Лючия велел оставаться на месте.

– Почему?

– Не знаю. Мне показалось, что оставлять его одного нельзя.

– Жена рассказала что-нибудь, когда вы вернулись?

– Пока я бегал, мимо, как нарочно, никто не проходил.

– Раненый что-нибудь говорил?

– Нет. Дышал с трудом, в груди что-то булькало. Лючия может подтвердить, но сейчас она очень занята.

– Больше ничего не припомните?

– Ничего. Я рассказал все, что знаю.

– Благодарю вас, Джино.

– Как поживает госпожа Мегрэ?

– Спасибо, хорошо.

Сбоку от лавки узкий проход вел во двор; там в застекленной мастерской работал паяльщик. В квартале было много таких дворов и тупиков, где трудились мелкие ремесленники.

Они пересекли улицу, прошли немного, и Мегрэ открыл дверь кафе «У Жюля». Днем там было почти так же темно, как вечером, и горел молочный плафон. У стойки, облокотившись, стоял неуклюжий мужчина, между брюками и жилетом виднелась выбившаяся рубашка. У него был яркий цвет лица, жирный загривок и двойной подбородок, похожий на зоб.

– Что прикажете, господин Мегрэ? Стаканчик сан-серского? Его прислал мне двоюродный брат, который...

– Два, – ответил Мегрэ, в свой черед облачиваясь о стойку.

– Сегодня вы уже не первый.

– Был газетчик, знаю.

– Он снял меня, как сейчас, с бутылкой в руке... Познакомьтесь, это Лебон. Тридцать лет проработал в дорожной службе. Потом попал в аварию и сейчас получает пенсию да еще немного за поврежденный глаз. Вчера вечером он был здесь.

– Вы вчетвером играли в карты, верно?

– Да, в манию. Как каждый вечер, кроме воскресений. В воскресенье кафе закрыто.

- Вы женаты?
- Хозяйка наверху, больна.
- В котором часу пришел молодой человек?
- Часов в десять...

Мегрэ взглянул на стенные часы.

– Не обращайтесь внимания. Они на двадцать минут вперед... Он сначала приоткрыл дверь сантиметров на двадцать, словно хотел посмотреть, что это за заведение. Игра была шумной. Мясник выигрывал, а он, когда выигрывает, начинает всех задевать, твердит, что никто, кроме него, играть не умеет...

– Молодой человек вошел. А потом?

– Я со своего места спросил, что он будет пить; он, помедлив, осведомился: «У вас есть коньяк?» Я разыграл четыре карты, которые оставались у меня на руках, и прошел за стойку. Наливая коньяк, я заметил, что у него на животе висит черная треугольная коробочка, и подумал, что это, должно быть, фотоаппарат. Иногда сюда забредают туристы, правда редко... Я вернулся за стол. Сдавал Бабеф. Молодой человек, казалось, не спешил. Игра его тоже не интересовала.

- Он был чем-то озабочен?
- Нет.
- Не посматривал на дверь, как если бы ждал кого-то?
- Не заметил.
- Или словно боялся, что кто-нибудь появится?
- Нет. Стоял, облокотясь о стойку, и время от времени пригубливал коньяк.
- Какое он произвел на вас впечатление?

– Он показался мне размазней. Знаете, нынче часто встречаются такие – длинноволосые, в куртках... Мы продолжали играть, не обращая на него внимания; Бабеф взвинчивался все больше и больше – ему пошла карта. «Пойди-ка лучше погляди, чем занимается твоя жена», – пошутил Лебон. «За своей присматривай: она у тебя молоденькая и...» Мне на секунду показалось, что они сцепятся, но, как всегда, обошлось. Бабеф выиграл. «Что ты на это скажешь?» – обрадовался он. Тут Лебон, который сидел на скамейке рядом со мной, толкнул меня локтем и глазами указал на клиента, стоящего у стойки. Я посмотрел и ничего не понял. Казалось, он смеялся про себя. Правда, Франсуа? Мне было интересно, что ты хотел мне показать. Ты прошептал: «Он только что...»

Рассказ продолжил мужчина с неподвижным глазом:

– Я заметил, как он что-то передвинул на своем аппарате... У меня есть племянник, ему на Рождество подарили такую же штуковину, и он развлекается, записывая разговоры родителей... Этот парень смирно стоял со своей рюмкой, а сам слушал, что мы говорим, и записывал.

– Интересно, зачем ему это было надо, – проворчал Жюль.

– Просто так. Как мой племянник. Записывает, потому что нравится записывать, а после из головы вон. Однажды он дал послушать родителям их ссору, и брат едва не сломал ему магнитофон: «Погоди, сопляк, вот отниму...» У Бабефа тоже лицо перекошилось бы, если б ему дали послушать, как он вчера бахвалился.

- Сколько времени молодой человек пробыл у вас?
- Чуть меньше получаса.
- Выпил только рюмку?
- Даже немного на дне оставил.
- Потом ушел, и вы больше ничего не слышали?
- Ничего. Лишь как ветер воет да вода из водосточной трубы хлещет.
- А до него кто-нибудь заходил?

– Видите ли, вечером я не закрываю только из-за нескольких завсегдатаев, которые приходят поиграть. Вот утром народу много: забегают съесть рогалик, выпить чашку кофе или стакан виши. В половине одиннадцатого у рабочих на соседней стройке перерыв... Ну а в полдень и вечером самая работа – аперитив.

– Благодарю вас.

Жанвье стенографировал и здесь, и хозяин быстро поминутно поглядывал на него.

– Ничего нового он не рассказал, – вздохнул Мегрэ, – только подтвердил то, что я уже знаю.

Они вернулись к машине. Несколько женщин наблюдали за ними: им было уже известно, кто такие эти двое.

– Куда, шеф?

– Сперва на службу.

И все же два визита на улице Попинкур принесли пользу. Прежде всего неаполитанец рассказал о нападении. Сначала преступник нанес несколько ударов. Потом побежал, но по какой-то таинственной причине вернулся, несмотря на то что невдалеке находилась чета Пальяти. Зачем? Чтобы добить жертву еще несколькими ударами? Он был одет в светлый непромокаемый плащ с поясом – вот все, что о нем известно. Едва войдя в свой теплый кабинет на набережной Орфевр, Мегрэ сразу набрал номер лавки Пальяти.

– Можно поговорить с вашим мужем? Это Мегрэ.

– Сейчас позову, господин комиссар.

– Аллю! Слушаю! – послышался голос Джино.

– Знаете что... Я забыл задать вам один вопрос. На убийце был головной убор?

– Журналист только что спросил меня в точности о том же самом. Уже третий за утро. Я задал этот вопрос жене... Она так же, как я, ничего не утверждает, но почти уверена, что на нем была темная шляпа. Понимаете, все произошло так быстро...

Судя по светлому плащу с поясом, убийца был молод, однако наличие шляпы делало его несколько старше: мало кто из молодежи носит теперь шляпы.

– Скажи, Жанвье, ты разбираешься в этих штуковинах?

Сам Мегрэ ничего не понимал в магнитофонах – так же, как в фотографии и автомобилях, поэтому их машину водила жена. Переключать по вечерам телевизионные программы – вот максимум, на который он был способен.

– У сына такой же.

– Смотри не сотри запись.

– Не бойтесь, шеф.

Жанвье, улыбаясь, манипулировал с кнопками. Послышался гул, звяканье вилок о тарелки, невнятные далекие голоса.

– Что прикажете, мадам?

– У вас есть разварная говядина?

– Конечно, мадам.

– Принесите, только положите побольше лука и корнишонов.

– Ты же знаешь, что сказал врач. Никакого уксуса.

– Бифштекс и отварная говядина, лука и корнишонов побольше. Салат подать сразу?

Запись была далека от совершенства; посторонние шумы мешали разбирать слова.

Тишина. Потом очень отчетливый вздох.

– Когда ты наконец станешь серьезной? Ночью тебе придется вставать и принимать соду.

– Кому придется вставать – тебе или мне? Все-то ты ворчишь.

– Я не ворчу.

– Ворчишь, особенно когда переберешь божоле. Ты и сейчас намерен...

– Бифштекс готов. Сейчас подам говядину.

– Дома ты даже не притронулась бы...

– Мы не дома.

Журчание. Потом чей-то голос:

– Официант! Официант! Принесете вы наконец...

Затем молчание, словно лента оборвалась. Через некоторое время голос очень четко произнес – на этот раз говоривший явно держал микрофон у рта:

– «Лотарингская пивная», бульвар Бомарше.

Почти наверняка голос Антуана Батийля, отметившего, где была сделана запись. Вероятно, он обедал на бульваре Бомарше и тихо включил магнитофон. Официант должен его помнить. Это легко проверить.

– Ты сейчас туда съездишь, – сказал Мегрэ. – А пока включи опять магнитофон.

Сначала странные звуки, на улице, потому что слышен шум машин. Мегрэ стал размышлять, что же хотел записать молодой человек, как вдруг до него дошло, что это шум воды, хлещущей из водосточных труб. Распознать звук было трудно; внезапно он сменился шумом какого-то общественного места – кафе или бара, где было довольно оживленно.

– Что он тебе сказал?

– Что все в порядке.

Голоса приглушенные, но в то же время довольно отчетливые.

– Ты был там, Мимиль?

– Люсьен и Гувьон сменяют друг друга. В такую погоду...

– А за тачкой?

– Как всегда.

– Ты не находишь, что это слишком близко?

– Близко от чего?

– От Парижа.

– Но ведь только в пятницу...

Звон стаканов, чашек, голоса. Тишина.

– Записано в кафе «Друзья» на площади Бастилии.

Это недалеко и от бульвара Бомарше, и от улицы Попинкур. Батийль долго задерживаться там не стал, чтобы на него не обратили внимания, и отправился под дождем в другое место.

– А твоя-то, твоя женушка? Про других говорить легко, а ты посмотри, что у тебя самого делается.

Это, видимо, мясник, карточная игра у Жюля.

– Говорю тебе, не лезь в мои дела. Ты выигрываешь...

– Я выигрываю, потому что не разбрасываюсь козырями, как идиот.

– Ну-ка перестаньте!

– Так ведь начал-то он!

Будь голоса более высокими, можно было бы подумать, что спорят мальчишки.

– Ну что, играть будем?

– Не стану я играть с субъектом, который...

– Он же сказал просто так, никого не имея в виду.

– Ну если так...

Молчание.

– Видишь, вот он и замолк.

– Замолк, потому что это идиотизм. Слушайте-ка! У меня манильон! Ну что, съел?

Слышно было плохо. Говорившие находились слишком далеко от микрофона, и Жанвье пришлось прокручивать фрагмент трижды. Каждый раз удавалось разобрать еще несколько слов. Наконец послышался голос Батийля:

– «У Жюля», маленькое бистро для завсегдатаев, улица Попинкур.

– Все?

– Все.

Остаток ленты был чистый. Последние слова Батийль проговорил, видимо, на улице, за несколько секунд до того, как на него напали.

– А две другие кассеты?

– Чистые. Еще даже не распакованы. Думаю, он собирался воспользоваться ими позже.

– Ты ничего не заметил?

– Эти, на площади Бастилии?

– Да. Поставь-ка еще раз.

Жанвье принялся стенографировать. Потом повторил несколько фраз, которые по мере того, как он их произносил, все больше наполнялись смыслом.

– Пожалуй, их было по меньшей мере трое.

– Верно.

– Потом те двое, о которых упоминалось, Люсьен и Гувьон. Через полчаса после этой записи на Антуана напали на улице Попинкур.

– Только вот магнитофон почему-то не отняли.

– Может, испугались Пальяти?

– Когда мы были на улице Попинкур, я забыл одну вещь. Вчера вечером у окна на втором этаже я заметил старушку – это почти напротив того места, где было совершено нападение.

– Ясно, шеф. Я еду?

Оставшись один, Мегрэ подошел к окну. Батийли, наверное, уже побывали в больнице Сент-Антуан, и судебный врач не замедлил забрать тело. Мегрэ еще не встретился с сестрой покойного, которую дома называли Мину и у которой, похоже, были странные знакомства. По серой Сене медленно двигался караван барж; проходя под мостом Сен-Мишель, буксиры опускали трубы.

В плохую погоду террасу огораживали застекленными переборками и отапливали двумя жаровнями. В довольно большом зале вокруг бара в форме подковы стояли крошечные столики и стулья – из тех, что вечером ставят один в другой.

Мегрэ устроился у колонны и заказал проходившему мимо официанту кружку пива. С отсутствующим видом он смотрел на окружавшие его лица. Публика была довольно разнообразная. У бара стояли даже мужчины в синих робах и живущие поблизости старики, пришедшие пропустить глоток красного. За столиками сидели самые разные люди: женщина в черном с двумя детьми и большим чемоданом у ног – как в зале ожидания на вокзале; парочка, которая держалась за руки и обменивалась самозабвенными взглядами; длинноволосые парни, ухмылявшиеся вслед официантке и заигрывавшие с ней, когда она проходила мимо.

Клиентов обслуживали два официанта и эта официантка с удивительно некрасивым лицом. В черном платье и белом фартуке, тощая, сгорбленная от усталости, она с трудом изображала на лице слабую улыбку.

Некоторые мужчины и женщины одеты прилично, другие попроще. Одни едят бутерброды с кофе или пивом, другие пьют аперитив.

За кассой – хозяин: черный костюм, белая сорочка с черным галстуком, лысина, которую он тщетно пытается скрыть под редкими каштановыми волосами. Чувствуется, что он – на посту и ничто не ускользает от его взгляда. Он зорко следит за работой официантов и официантки, одновременно наблюдая, как бармен ставит бутылки и стаканы на поднос. Получая жетон, он нажимает на клавишу, и в окошечке кассы выскакивает цифра. Он явно содержит кафе уже давно, начал, вероятнее всего, с официанта. Позже, спустившись в туалет, Мегрэ обнаружит, что внизу есть еще один небольшой зал с низким потолком; там тоже сидело несколько посетителей.

Здесь не играли ни в карты, ни в домино. Сюда забегали ненадолго, и завсегдатаев было немного. Те, кто устроились за столиками поосновательней, просто назначили свидание по близости и коротали тут время.

Наконец Мегрэ поднялся и направился к кассе, не питая никаких иллюзий относительно приема, который его ждет.

– Прошу извинить, – произнес он и незаметно показал лежащий в ладони жетон. – Комиссар Мегрэ, сыскная полиция.

Глаза хозяина хранили все то же подозрительное выражение, с которым он наблюдал за официантами, снующими туда и сюда между посетителями.

– Что дальше?

– Вы вчера были здесь около половины десятого вечера?

– Я спал. По вечерам за кассой сидит жена.

– Официанты были те же?

Хозяин не отрывал от них взгляда.

– Да.

– Я хотел бы задать им несколько вопросов насчет клиентов, которых они могли запомнить.

Черные глазки уставились на Мегрэ без особого сочувствия.

– У нас бывают только приличные люди, а официанты сейчас очень заняты.

– Я отниму у каждого не больше минуты. Официантка вчера тоже работала?

– Нет. Вечером народу меньше. Жером!

Один из официантов резко остановился у кассы, держа поднос в руке. Хозяин повернулся к Мегрэ:

– Давайте спрашивайте!

– Не заметили вы вчера, около половины десятого вечера, молодого, двадцати с небольшим, клиента в коричневой куртке и с магнитофоном на животе?

Официант посмотрел на хозяина, потом на Мегрэ и покачал головой.

– Не знаете ли вы завсегдатая, которого друзья зовут Мимиль?

– Нет.

Когда пришла очередь другого официанта, результат тоже оказался далеко не блестящим. Оба запинаясь, словно боялись хозяина, и было трудно понять, не врут ли они. Разочарованный Мегрэ вернулся за свой столик и заказал еще пива. Вот тут-то он спустился в туалет, а затем обнаружил в нижнем зале третьего официанта, помоложе. Комиссар решил сесть и заказать пива.

– Скажите, вам приходится работать наверху?

– Через три дня на четвертый. Внизу мы работаем по очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.